

ISSN 2181-9130

Doi Journal 10.26739/2181-9130

ҲУҚУҚИЙ ТАДҚИҚОТЛАР ЖУРНАЛИ

11 ЖИЛД, 3 СОН

ЖУРНАЛ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ТОМ 11, НОМЕР 3

JOURNAL OF LAW RESEARCH

VOLUME 11, ISSUE 3

ТОШКЕНТ-2026

ҲУҚУҚИЙ ТАДҚИҚОТЛАР ЖУРНАЛИ

ЖУРНАЛ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ | JOURNAL OF LAW RESEARCH

№3 (2026) DOI <http://dx.doi.org/10.26739/2181-9130-2026-3>

Бош муҳаррир:
Главный редактор:
Chief Editor:

Abdurasulova Qumriniso Raimqulovna
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Бош муҳаррир ўринбосари:
Заместитель главного редактора:
Deputy Chief Editor:

Fayziev Shoxrud Farmonovich
yuridik fanlar doktori, dotsent (O'zbekiston)

ТАҲРИРИЙ МАСЛАҲАТ КЕНГАШИ | РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ | EDITORIAL BOARD

12.00.01 - ДАВЛАТ ВА ҲУҚУҚ НАЗАРИЯСИ ВА ТАРИХИ. ҲУҚУҚИЙ ТАЪЛИМОТЛАР ТАРИХИ / ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ / THEORY OF LAW AND STATE, HISTORY OF LEGAL DOCTRINES

Boboyev Halimboy Boboyevich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Ahmedshaeva Mavlyuda Axatovna
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Muxitdinova Firyuza Abdurashidovna
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Adilxodjayeva Surayyo Maxkamovna
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Sattorov Abdug'afvor
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Yosuke Shamoto
yuridik fanlar doktori, professor (Yaponiya)
Umarxonova Dildora Sharipxonovna
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Nematov Jo'rabek Nematilloevich
yuridik fanlar doktori, dotsent (O'zbekiston)

12.00.02 - КОНСТИТУЦИОННИЙ ҲУҚУҚ, МАЪМУРИЙ ҲУҚУҚ, МОЛИЯ ВА БОЖХОНА ҲУҚУҚИ / КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; ФИНАНСОВОЕ ПРАВО / CONSTITUTIONAL LAW; ADMINISTRATIVE LAW; FINANCIAL RIGHT

Malikova Gulchexra
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Xusanov Ozod Tillabayevich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Selimanova Svetlana Mixaylovna
yuridik fanlar doktori (O'zbekiston)

Xvan Leonid Borisovich
yuridik fanlar doktori, dotsent (O'zbekiston)
Peshkova Xristina Vyacheslavovna
yuridik fanlar doktori, dotsent (Rossiya)
Sung Un Lee
yuridik fanlar doktori, professor (Janubiy Koreya)

12.00.03 - ФУҚАРОЛИК ҲУҚУҚИ. ТАДБИРКОРЛИК ҲУҚУҚИ. ОИЛА ҲУҚУҚИ. ХАЛҚАРО ХУСУСИЙ ҲУҚУҚ / ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО / CIVIL LAW; BUSINESS LAW; FAMILY LAW; PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Oqyulov Omonboy
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Ro'zinazarov Shuhrat Nuraliyevich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Ruziyev Rustam Jabborovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Borotov Mirodiljon Xomudjonovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Toshev Boboqul Norqobilovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Shomuxamedova Zamira Shoislamovna
yuridik fanlar doktori, (O'zbekiston)
Ahmad Issa Altweissi
yuridik fanlar doktori, professor (Iordaniya)
Mexmonov Kambariddin Miradxamovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

12.00.04 - ФУҚАРОЛИК ПРОЦЕССУАЛ ҲУҚУҚИ. ХЎЖАЛИК ПРОЦЕССУАЛ ҲУҚУҚИ. ҲАҚАМЛИК ЖАРАЁНИ ВА МЕДИАЦИЯ / ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО; ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС И МЕДИАЦИЯ / CIVIL PROCEDURE LAW; ECONOMIC PROCEDURAL LAW; ARBITRATION PROCESS AND MEDIATION

Esanova Zamira Normurodovna
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Mamasidiqov Muzaffar Musajonovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Jason A.
Kanton Federal sud markazi (AQSH)
Borut Strazisar
Yuridik bo'lim boshlig'i (Sloveniya)

12.00.05 - МЕҲНАТ ҲУҚУҚИ. ИЖТИМОИЙ ТАЪМИНОТ ҲУҚУҚИ / ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ / THE LABOR LAW; SOCIAL SECURITY LAW

Usmanova Muborak Akmalxonovna
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Gasanov Mixail Yuriyevich
yuridik fanlar doktori, dotsent (O'zbekiston)
Sattorova Gulnoza Djurakulovna
yuridik fanlar doktori, dotsent (O'zbekiston)

Murodova Gulnora
yuridik fanlar doktori, dotsent (O'zbekiston)
Denisov Gleb
yuridik fanlar doktori, professor (Rossiya)

Fayziyev Shuxrat Xasanovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Usmonov Muhammadi Bahridinovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Xolmuminov Juma
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Jo'rayev Yuldash Achilovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Nurmatov Mirg'olib Mirzayevich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Po'latov Baxtiyor Xalilovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Salomov Baxrom Salomovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Osmonaliyev Qayrat
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Mirzayev Aziz
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Aleksey Kibalnik
yuridik fanlar doktori, professor (Rossiya)
Kudryavtsev Vladislav Leonidovich
yuridik fanlar doktori, professor (Rossiya)
Sergey Shoshin
yuridik fanlar doktori, dotsent (Rossiya)
James B.
Eaglin Federal sud markazi (AQSH)

Rustambayev Mirzayusup Hakimovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Zufarov Rustam Axmedovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Kabulov Rustam
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Rajabova Mavjuda Abdullayevna
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Ismailov Isomiddin
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Hamidov Nurmuhammad Orif o'g'li
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (O'zbekiston)
Yuldoshev Rifat Raxmadjonovich
yuridik fanlar doktori, professor (Tojikiston)
Djansarayeva Rima Ernatovna
yuridik fanlar doktori, professor (Qozog'iston)
Yelena Antonyan Aleksandrovna
yuridik fanlar doktori, professor (Rossiya)
Matthew Light
yuridik fanlar doktori, professor (Kanada)
Qo'shayev Nurali Mahmudovich
yuridik fanlar nomzodi, dotsent (O'zbekiston)

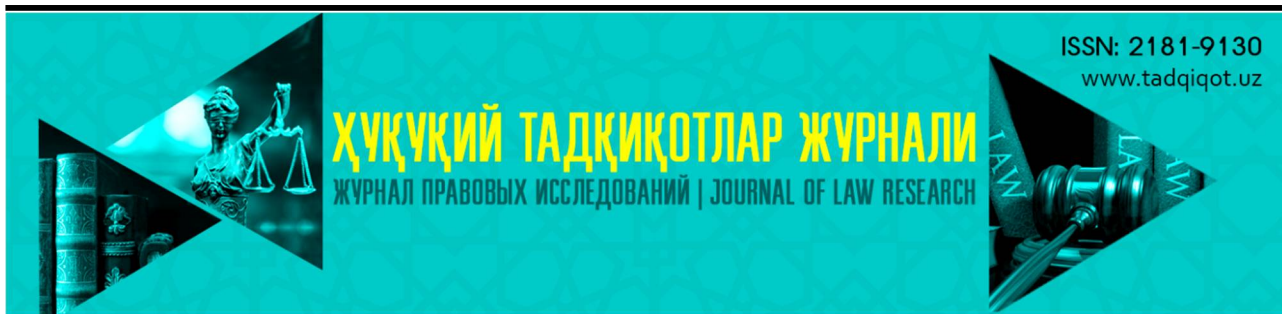
Inog'omjonova Zumratxon Fatxullayevna
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Pulatov Yuriy Safiyevich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
To'laganova Gulchehra Zaxitovna
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Muxiddinov Faxriddin Muxiddinovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Mirzov Davron Miragzamovich
yuridik fanlar doktori (O'zbekiston)
Rijakov Aleksandr Petrovich
yuridik fanlar doktori, professor (Rossiya)

Stoyko Nikolay Genadyevich
yuridik fanlar doktori, professor (Rossiya)
Iskandarov Zayniddin
yuridik fanlar doktori, professor (Tojikiston)
Sergey Pen
yuridik fanlar doktori, professor (Qozog'iston)
Aleksey Purs
yuridik fanlar doktori, dotsent (Belarus)
Jurgen Maurer
yuridik fanlar doktori, professor (Germaniya)
Kevin Curtin
yuridik fanlar doktori, professor (AQSH)

Ismoilov Bahodir Islamovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Matkarimova Gulchehra Abdusamatovna
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Yuldasheva Govxerjan
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Alexander Trunk
yuridik fanlar doktori, professor (Germaniya)

1. Чориева Хуршидабону Хуррам кизи ВАСИЙЛИК ВА ҲОМИЙЛИКНИ ТАКОМИЛЛАШТИРИШ: ХАЛҚАРО СТАНДАРТЛАР, ХОРИЖИЙ ТАЖРИБА ВА ЎЗБЕКИСТОН ҚОНУНЧИЛИГИНИ МОДЕРНИЗАЦИЯ ҚИЛИШ.....	5
2. Ражабова Хулкар Тошмановна ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ.....	14
3. Ruzinazarov Shuxrat Nuraliyevich RAQAMLI TADBIRKORLIK FAOLIYATINI HUQUQIY TARTIBGA SOLISHNING ZAMONAVIY RIVOJLANISH TENDENSIYALAR.....	22
4. Саидова Нигорахон Акмал кизи ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ОПЕРАТОРОВ ОНЛАЙН-МАРКЕТПЛЕЙСОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДОКТРИНАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ.....	35
5. Шамшетов Шарафатдин Сарсенович ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЗАЕМЩИКОВ В МИКРОКРЕДИТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ.....	46
6. Ibragimova Rayxon Shodmon qizi FUQAROLIK SUD ISH YURITUVIDA TARJIMON ISHTIROKINING O'ZIGA XOS XUSUSIYATLARI.....	55
7. Adembayev Aralbay Kuralbayevich TRANSPORT VOSITALARI HARAKATI YOKI ULARDAN FOYDALANISH XAVFSIZLIGI QOIDALARINI BUZISHNI KVALIFIKATSIYA QILISH.....	62
8. Акбутаев Ойбек Бакирович ДАСТЛАБКИ ТЕРГОВ УМУМИЙ ШАРТЛАРИНИ ТАСНИФЛАШ МЕЗОНЛАРИНИ ТАКОМИЛЛАШТИРИШ.....	70
9. Лутфуллаева Мадинабону Жамшидхон кизи ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ.....	79
10. Yadgarov Shohruh SHANXAY NAMKORLIK TASHKILOTI: XALQARO HUQUQ SUBYEKTLILIGI, HUQUQIY MAQOMI.....	86
11. Xolmirzayev Muhsinbek Shavqiddin o'g'li O'ZBEKISTON RESPUBLIKASIDA JINOYATCHILIKKA QARSHI KURASHISHDA KRIMINOLOGIK PROGNOZLASHNING AHVOLI, SOHADA AMALGA OSHIRILGAN ISLOHOTLAR.....	92
12. Primov Baxtiyor Olim o'g'li SUD TIZIMIDA KORRUPSIYAGA QARSHI KURASH VA UNI OLDINI OLISH MASALALARI.....	103

Саидова Нигорахон Акмал кизи,
 Самостоятельный соискатель Ташкентского
 государственного юридического университета
 E-mail: nigosh.saidi@gmail.com

**ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ОПЕРАТОРОВ ОНЛАЙН-МАРКЕТПЛЕЙСОВ:
 СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДОКТРИНАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ**

For citation: Ruzinazarov Shukhrat Nuraliyevich. LEGAL QUALIFICATION OF ONLINE MARKETPLACE OPERATORS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF DOCTRINAL MODELS. Journal of Law Research. 2026, 11 vol., issue 3.

 <http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.20377689>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные научные подходы к определению юридического статуса операторов электронных торговых платформ. В доктрине выделяют три ключевые модели квалификации: посредническую, операторскую и гибридную (*sui generis*). Посреднический подход рассматривает платформу как технический инструмент, не участвующий в существе договора. Операторская модель связывает ответственность с фактическим контролем платформы над условиями сделки. Гибридная модель акцентирует организующую и регулирующую роль маркетплейса как самостоятельного субъекта цифровых правоотношений. Сравнительный анализ зарубежных и узбекских исследований показывает, что классическое деление на «посредника» и «продавца» не отражает реального положения современных маркетплейсов. Обосновывается необходимость функционального подхода, учитывающего степень контроля платформы и характер распределения рисков.

Ключевые слова: электронная коммерция; маркетплейсы; информационный посредник; оператор электронной платформы; цифровые правоотношения; ответственность платформ; гибридная модель; безопасная гавань; судебная практика ЕС.

Saidova Nigoraxon Akmal qizi,
 Toshkent davlat yuridik universiteti mustaqil izlanuvchisi
 E-mail: nigosh.saidi@gmail.com

**ONLAYN SAVDO PLATFORMALARI OPERATORLARINING HUQUQIY MAQOMINI
 BELGILASH: DOKTRINAL YONDASHUVLARNING QIYOSIY-HUQUQIY TAHLILI**

ANNOTATSIYA

Maqolada onlayn savdo platformalari operatorlarining huquqiy maqomini aniqlashga doir asosiy ilmiy yondashuvlar tahlil qilinadi. Huquqiy doktrinada uchta asosiy model ajratiladi: vositachilik modeli, operatorlik modeli hamda gibrid model. Vositachilik yondashuvi platformani shartnoma mazmunida bevosita ishtirok etmaydigan texnik vosita sifatida talqin etadi. Operatorlik modeli esa

javobgarlikni platformaning bitim shartlari va ularning bajarilishi ustidan amalga oshiradigan nazorat darajasi bilan bog'laydi. Gibrid model savdo platformasining raqamli huquqiy munosabatlarning mustaqil subyekti sifatidagi tashkiliy va tartibga soluvchi rolini ta'kidlaydi. Xorijiy va o'zbek ilmiy manbalarining qiyosiy tahlili shuni ko'rsatadiki, "vositachi" va "sotuvchi" o'rtasidagi an'anaviy ajratish zamonaviy platformalarning murakkab huquqiy tabiatini to'liq aks ettirmaydi. Maqolada platformaning nazorat darajasi hamda raqamli bitimlarda xavflarning taqsimlanishini hisobga oluvchi funksional yondashuv zarurligi asoslab beriladi.

Kalit so'zlar: elektron tijorat; onlayn savdo platformalari; axborot vositachisi; platforma operatori; raqamli huquqiy munosabatlar; platforma javobgarligi; gibrid model; xavfsiz port; Yevropa Ittifoqi sud amaliyoti.

Saidova Nigorakhon Akmal qizi,

Independent Researcher at Tashkent State University of Law

E-mail: nigosh.saidi@gmail.com

LEGAL QUALIFICATION OF ONLINE MARKETPLACE OPERATORS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF DOCTRINAL MODELS

ANNOTATION

The article examines the principal scholarly approaches to defining the legal status of online marketplace operators. Legal doctrine generally distinguishes three key models of qualification: the intermediary model, the operator model, and the hybrid (*sui generis*) model. The intermediary approach conceptualizes the platform as a technical tool that does not participate in the substance of the contractual relationship. The operator model links liability to the actual degree of control exercised by the platform over the terms and performance of transactions. The hybrid model emphasizes the organizing and regulatory role of the marketplace as an autonomous subject of digital legal relations. A comparative analysis of foreign and Uzbek scholarship demonstrates that the traditional dichotomy between "intermediary" and "seller" fails to adequately reflect the complex legal reality of modern marketplaces. The article substantiates the need for a functional approach that takes into account the degree of platform control and the allocation of risks within digital transactions. Keywords: e-commerce; online marketplaces; information intermediary; platform operator; digital legal relations; platform liability; hybrid model; safe harbour; EU case law.

Введение

Появление платформенной торговли стало естественным следствием развития цифровой экономики. Электронные маркетплейсы берут на себя задачи по управлению сделками, распределяют роли, держат у себя всю информацию о транзакциях, контролируют алгоритмы показа товаров, выстраивают стандартизированные условия договоров, а также обеспечивают работу платежных и логистических систем. По оценкам OECD (2022) и UNCTAD (2023), именно платформы выступают основными агентами роста электронной торговли, существенно трансформируя механизмы заключения договоров и распределения правовых рисков [1][2].

В отличие от традиционных посредников, маркетплейсы формируют информационную асимметрию в свою пользу: они располагают полной картиной транзакций, определяют видимость товаров, устанавливают стандартизированные условия пользовательских соглашений и фактически управляют поведением сторон сделки. Всё это выводит современные онлайн-платформы за пределы классической роли информационного брокера.

Вопрос о правовой квалификации цифровых торговых платформ остаётся дискуссионным как в зарубежной, так и в отечественной правовой науке. Отсутствие единообразного подхода порождает правовую неопределённость в сфере защиты прав потребителей, распределения деликтной ответственности и регулирования договорных отношений в цифровой среде.

В доктрине выделяются три основных подхода к квалификации маркетплейса. Первый - посреднический исходит из того, что платформа обеспечивает техническое сопровождение сделок и не является стороной основного договора. Второй - операторский - ставит вопрос об ответственности в зависимости от реального контроля платформы над существенными условиями сделки. Третий - гибридный - предлагает рассматривать маркетплейс как особый субъект цифрового права, не вписывающийся в классические категории посредника или продавца.

В законодательстве Республики Узбекистан введено понятие «оператор электронной торговой платформы» (Закон «Об электронной коммерции» 2022 г.), что свидетельствует о частичном переходе от модели нейтрального посредника. Вместе с тем в национальной доктрине пока не сложилось системного сравнительно-правового подхода к юридической природе маркетплейсов [3]. Работы Ш.Н. Рузиназарова и Л.И. Ачиловой подчёркивают смешанный характер цифровых сделок и необходимость комплексного подхода, однако единая классификационная модель не предложена [4].

Настоящая статья ставит целью сравнительный анализ доктринальных взглядов на правовую квалификацию операторов торговых платформ, выявление их оснований, ограничений и возможностей адаптации к реалиям современной цифровой экономики. Объектом исследования являются правоотношения, складывающиеся вокруг деятельности маркетплейсов; предметом - доктринальные теории об их юридической природе и соответствующая судебная практика.

Методология

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Сравнительно-правовой метод применяется для анализа доктринальных подходов и нормативных моделей регулирования маркетплейсов в правовых порядках ЕС, США, КНР и Республики Узбекистан. Формально-юридический метод используется при анализе нормативных актов и судебной практики с целью выявления критериев правовой квалификации операторов платформ.

Исследование также опирается на метод функционального анализа, позволяющий оценивать правовой статус платформы не через формальные признаки договорного участия, а через реальное распределение контроля и рисков между участниками правоотношений. Применение данного метода обусловлено спецификой объекта исследования: цифровые платформы сочетают черты различных правовых институтов, что делает традиционные классификационные подходы недостаточными.

Обзор литературы

Вопрос правовой квалификации операторов онлайн-маркетплейсов привлекает устойчивое внимание зарубежной правовой доктрины, тогда как в отечественной науке он остаётся недостаточно разработанным.

В европейском праве посредническая модель получила нормативное закрепление через режим «безопасной гавани», введённый Директивой 2000/31/ЕС и впоследствии сохранённый в Регламенте (ЕС) 2022/2065 о цифровых услугах. Вопросы ответственности платформ за дефектные товары исследованы В. Ульфбек и П. Вербрюгеном, показавшими, что традиционная цепочка ответственности производитель - продавец - потребитель не адаптирована к реалиям маркетплейсов. Реформа европейского законодательства об ответственности за продукцию и её последствия для цифровых платформ детально проанализированы Д. Фэргривом и соавторами. Регуляторное измерение платформенной деятельности - в частности, концепция платформы как «частного регулятора» - разработано П. Ларушем и А. де Стрелем в контексте принятия Закона о цифровых рынках ЕС.

В американской доктрине определяющую роль сыграли работы К.М. Шарки, предложившей концепцию платформы как «cheapest cost avoider» и обосновавшей её ответственность с позиций деликтного права. Д. Кирк и Е. Каллен на материале дела *Bolger v. Amazon* разработали аргументацию в пользу квалификации крупных маркетплейсов как продавцов в цепочке ответственности. Экономико-правовой анализ стимулов платформ к

предотвращению вреда представлен в работе И. Лефуили и Л. Мадио, а институциональное измерение платформенной власти - в монографии Дж. Коэн.

В сравнительно-правовом отношении заслуживает внимания исследование А. Онияновой, сопоставившей подходы правопорядков США и Франции к ответственности маркетплейсов и обосновавшей необходимость функционального критерия квалификации.

В узбекской правовой науке данная проблематика находится на начальном этапе разработки. Ш.Н. Рузиназаров исследовал общие вопросы гражданско-правового регулирования электронной торговли, Л.И.Ачилова - специфику цифровых сделок в национальном праве. Вместе с тем системного сравнительно-правового анализа моделей квалификации операторов платформ в отечественной доктрине не проводилось, что и определяет научную новизну настоящего исследования.

1. Посредническая модель: оператор как информационный посредник

Посредническая модель представляет собой наиболее раннюю и нормативно закреплённую доктринальную конструкцию. Согласно ей, маркетплейс понимается как техническая инфраструктура, соединяющая продавца и покупателя, но не участвующая в существовании договора купли-продажи.

1.1. Договорно-правовая основа модели

С позиции классической гражданско-правовой доктрины маркетплейс не становится стороной договора купли-продажи при соблюдении следующих условий: он не приобретает право собственности на товар; не определяет цену самостоятельно; не заключает договор от своего имени; не принимает на себя обязательства по передаче товара покупателю.

М.Й. Сёренсен характеризует платформу как «виртуальное пространство для транзакций», проводя аналогию с электронной доской объявлений: оператор предоставляет сервис размещения информации и техническую инфраструктуру, однако не участвует в материальном исполнении обязательства [5]. В рамках этой концепции правоотношения складываются исключительно между продавцом и покупателем, а платформа выступает лишь инструментом их коммуникации.

Аналогичную позицию отстаивает Н.Филатова-Билоус, анализируя судебную практику Суда Европейского союза по делам Uber и Airbnb [6]. Автор полагает, что квалификация платформы как посредника позволяет сохранить границы традиционной договорной доктрины и не расширять категорию «продавца» на субъектов, которые формально не принимают обязательств по поставке товара. С точки зрения правовой определённости такой подход обеспечивает стабильность гражданского оборота.

Важно подчеркнуть, что посредническая модель опирается на формально-договорной критерий: принадлежность к категории посредника определяется не по степени фактического участия в сделке, а по отсутствию формальных признаков стороны договора. В этом состоит её принципиальное ограничение: юридическая квалификация может расходиться с реальным экономико-правовым положением платформы.

1.2. Нормативное закрепление: режим «безопасной гавани»

Концепция посредничества получила нормативное закрепление в праве Европейского союза через механизм «безопасной гавани» (safe harbour). Директива об электронной торговле 2000/31/ЕС и сменившие её положения Закона о цифровых услугах (Регламент (ЕС) 2022/2065) предусматривают освобождение информационных посредников от ответственности при соблюдении условий нейтралитета и отсутствии фактического знания о противоправности размещённого контента [7].

Согласно данной схеме, информационный посредник не несёт ответственности за содержание, размещённое третьими лицами; обязан реагировать лишь после получения надлежащего уведомления (notice and takedown); не обязан осуществлять проактивный мониторинг платформы. Этот механизм был разработан в целях стимулирования цифровых инноваций и снижения барьеров входа на рынок цифровых услуг [8].

Существенное значение для уяснения пределов посреднической модели имеет судебная практика Суда ЕС. В деле C-434/15 Asociación Profesional Elite Taxi v. Uber Systems Spain

(2017) Суд постановил, что Uber не является обычным информационным посредником, а оказывает «услугу в сфере транспорта», поскольку решающим образом влияет на условия деятельности водителей: устанавливает тарифы, требования к транспортным средствам и порядок расчётов [6]. Это решение обозначило принципиальный предел режима «безопасной гавани»: он не применяется, если платформа фактически определяет содержание оказываемой услуги.

Напротив, в деле C-390/18 Airbnb Ireland UC (2019) Суд ЕС квалифицировал Airbnb именно как информационного посредника в смысле Директивы 2000/31/ЕС, поскольку платформа не устанавливает цену аренды и не определяет иных ключевых условий договора между арендодателем и арендатором. Тем самым Суд продемонстрировал, что посредническая квалификация зависит от конкретной степени вмешательства платформы в существо правоотношения - а не определяется раз и навсегда.

Д. Кирк и Е. Каллен отмечают, что ограничение ответственности платформы при отсутствии фактического контроля снижает нагрузку на регуляторов и предотвращает «охлаждающий эффект» в сфере цифровых инноваций [8]. Вместе с тем авторы признают, что концепция «безопасной гавани» разрабатывалась применительно к значительно более простым моделям цифрового посредничества, нежели современные многофункциональные маркетплейсы.

1.3. Узбекский контекст посреднического подхода

Раннее регулирование электронной торговли в Республике Узбекистан также воспроизводило логику разграничения между продавцом и информационным посредником. Закон «Об электронной торговле» 2004 года предусматривал выделение организаций, осуществляющих электронную торговлю, включая информационных посредников, не отождествляя их с продавцами [9].

Принятие Закона «Об электронной коммерции» 2022 года с введением категории «оператор электронной торговой платформы» ознаменовало частичный отход от классической посреднической конструкции [3]. Однако в доктрине по-прежнему сохраняется тенденция к описанию платформ как организаций, обеспечивающих инфраструктуру для коммерческих операций, без их чёткой квалификации в качестве полноценных участников оборота. Работы Ш.Н. Рузиназарова и Л.И. Ачиловой подчёркивают необходимость сочетания гражданско-правового и информационно-технологического подходов.

1.4. Теоретические ограничения модели

Несмотря на нормативную укоренённость, посредническая модель обнаруживает серьёзные противоречия в условиях современной платформенной экономики.

Во-первых, она основана на презумпции пассивности, которая не соответствует реальной бизнес-модели крупных маркетплейсов. Как указывают П. Вербрюгген и В. Ульфбек, современная платформа определяет алгоритмическую видимость товаров, стандартизирует условия сделки, управляет платёжной инфраструктурой и организует логистику и хранение товара [7]. В таких условиях утверждение о «пассивности» платформы лишается фактического основания.

Во-вторых, критерий нейтралитета не предполагает учёта алгоритмического воздействия на поведение потребителей. Между тем именно алгоритмы поиска, ранжирования и персонализированных рекомендаций во многом определяют, какой товар будет куплен и по какой цене - что фактически означает скрытое вмешательство платформы в договорные отношения.

В-третьих, как показывает анализ реформы европейского законодательства об ответственности за дефектную продукцию, проведённый Д. Фэргривом и соавторами, правоприменительная практика ЕС демонстрирует тенденцию к включению цифровых платформ в цепочку ответственности в тех случаях, когда производитель или импортёр товара не может быть установлен [10]. Это прямо противоречит посреднической модели, которая исключает платформу из числа субъектов ответственности.

Таким образом, посредническая модель, сохраняя ценность формально-договорного критерия, игнорирует функциональный контроль платформы над рынком и её фактическую вовлечённость в распределение рисков между участниками сделки.

2. Операторская модель: платформа как полноценный участник сделки

Вторая модель строится на функциональном анализе роли маркетплейса в конкретной сделке. Если платформа оказывает решающее влияние на существенные условия договора - цену, логистику, платёж, стандарты качества - она подлежит квалификации как оператор, торговец или совместный продавец, несущий соответствующую ответственность перед потребителем.

2.1. Критерии квалификации платформы как оператора

В доктрине выработан ряд критериев, позволяющих отграничить оператора от информационного посредника. К ним относятся: влияние на формирование цен (ценовые алгоритмы, обязательные скидки); стандартизация договорных условий без возможности индивидуального согласования; организация платёжных расчётов через собственную инфраструктуру; контроль над логистикой, хранением и доставкой товара; использование собственной торговой марки в коммуникации с потребителем; фактическая невозможность для потребителя идентифицировать реального продавца.

В ряде случаев маркетплейс де-факто подменяет продавца в глазах потребителя: именно с именем платформы ассоциируется приобретённый товар, именно к ней обращаются при возникновении претензий. В такой ситуации квалификация платформы лишь как посредника означала бы отрицание очевидной правовой реальности и лишала бы потребителя надлежащей правовой защиты.

Дополнительным критерием служит концепция «cheapest cost avoider» - субъекта, способного предотвратить вред с наименьшими издержками. И. Лефуили и Л. Мадио обосновывают, что именно платформа обладает централизованным доступом к данным о продавцах и товарах, а значит, является наиболее эффективным субъектом предотвращения вреда [11]. Возложение ответственности на платформу создаёт надлежащие стимулы для отбора добросовестных продавцов и контроля качества товаров.

2.2. Судебная практика и законодательные реформы

Операторская модель находит подтверждение в судебной практике ряда государств. В деле *Bolger v. Amazon.com* (California Court of Appeal, 2020) апелляционный суд Калифорнии квалифицировал Amazon как «продавца» в цепочке ответственности за дефектный товар, реализованный через платформу, поскольку компания контролировала весь процесс выполнения заказа (fulfilment) [12]. Суд указал, что Amazon получала экономическую выгоду от транзакции и имела возможность выявлять небезопасные товары - следовательно, не может ограждать себя статусом «нейтрального посредника».

В европейском контексте Директива (EU) 2024/2853 о ответственности за дефектную продукцию прямо предусматривает, что цифровые платформы несут ответственность в тех случаях, когда производитель или импортёр товара не может быть установлен, либо когда платформа де-факто выполняет функции, аналогичные функциям других участников хозяйственной цепочки [13]. Тем самым законодатель ЕС признаёт, что формальное отсутствие статуса продавца не освобождает от материальной ответственности за вред, причинённый дефектным товаром.

Аналогичные тенденции прослеживаются в законодательстве Китая: Закон КНР об электронной торговле 2018 года предусматривает солидарную ответственность оператора платформы в случае, если он знал или должен был знать о нарушении продавцом прав потребителей, но не принял мер [14]. Это функциональный подход: ответственность наступает не в силу формального статуса, а в силу наличия фактической возможности предотвратить вред.

2.3. Теоретические ограничения операторской модели

Вместе с тем операторская модель не лишена недостатков. Автоматическое приравнивание маркетплейса к продавцу может создавать избыточную правовую нагрузку на

платформы, действующие в роли истинных посредников с минимальным уровнем контроля. Д. Фэргрив предупреждает об опасности «чрезмерного» регулирования, способного сдерживать инновации и повышать барьеры входа для новых участников рынка [10].

Кроме того, операторская модель не учитывает многоуровневую структуру современных платформ, которые в рамках одной транзакции могут одновременно выступать в различных правовых ролях: посредника при заключении договора, оператора при обработке платежа и фактического поставщика при организации доставки. Унитарная квалификация в таких случаях неизбежно ведёт к правовым коллизиям.

3. Гибридная (*sui generis*) концепция: маркетплейс как особый субъект цифрового права

Третья модель возникла как реакция на очевидную недостаточность бинарной схемы «посредник - продавец» применительно к современным цифровым платформам. Её сторонники утверждают, что онлайн-маркетплейсы представляют собой самостоятельную категорию субъектов цифрового права, не вписывающуюся в традиционные гражданско-правовые конструкции.

3.1. Теоретические основания гибридного подхода

Дж. Коэн рассматривает платформы как «организаторов рыночной инфраструктуры»: они устанавливают правила доступа к рынку, управляют видимостью товаров посредством алгоритмов, собирают и обрабатывают данные о поведении участников [15]. Платформа не просто соединяет стороны - она создаёт нормативную среду, в которой осуществляются сделки, формируя то, что автор называет «алгоритмическим управлением» правоотношениями.

П. Ларуш и А. де Стрель указывают, что маркетплейс обладает нормотворческими функциями, которые в традиционных рынках принадлежат государству или саморегулируемым организациям: он устанавливает условия доступа продавцов, вводит санкции за нарушения и определяет стандарты обслуживания [16]. Это позволяет говорить о платформе как о «частном регуляторе» цифрового рынка, обладающем квазипубличными полномочиями в рамках частноправовых отношений.

А. Онианова, сравнивая подходы различных правовых порядков, приходит к выводу о необходимости гибкой системы оценки, при которой правовой статус платформы определяется не по формальному критерию принадлежности к категории посредника или продавца, а по совокупности факторов: степени контроля над сделкой, характеру алгоритмического управления, институциональной роли в цифровом обороте и способности влиять на распределение рисков [17].

Согласно гибриднему подходу, маркетплейс является самостоятельным участником цифрового оборота с дифференцированным объёмом прав и обязанностей, определяемым в зависимости от конкретной функции, выполняемой в данной транзакции. Ответственность не является фиксированной, а варьируется пропорционально степени вовлечённости платформы в конкретные правоотношения.

3.2. Нормативное воплощение гибридной модели в праве ЕС

Элементы гибридного подхода прослеживаются в ряде нормативных актов Европейского союза. Закон о цифровых услугах (DSA, Регламент (EU) 2022/2065) вводит многоуровневую систему регулирования, при которой объём обязанностей платформы зависит от её размера и типа [18]. «Очень крупные онлайн-платформы» (VLOPs) подпадают под наиболее строгие требования по управлению системными рисками, прозрачности алгоритмов и защите прав пользователей - независимо от их формального статуса посредника или продавца.

Регламент (EU) 2019/1150 о справедливых условиях для бизнес-пользователей платформ предусматривает особые требования к прозрачности условий ранжирования, порядку ограничения доступа к платформе и разрешению споров [19]. Тем самым платформа признаётся субъектом, обладающим нормотворческими и квазисудебными функциями по

отношению к зависимым от неё участникам рынка - что принципиально отличает её правовое положение от классического посредника.

Директива (EU) 2019/2161 обязывает маркетплейсы раскрывать потребителям информацию о том, является ли продавец профессиональным торговцем или частным лицом, а также распределять обязанности по информированию между платформой и продавцом [20]. Это создаёт самостоятельный правовой режим для маркетплейсов, отличный как от режима посредников, так и от режима продавцов - что является прямым нормативным воплощением гибридной концепции.

3.3. Ограничения и перспективы гибридного подхода

Гибридная модель наиболее точно отражает реальное правовое положение крупных маркетплейсов, поскольку позволяет учитывать их многофункциональный характер. Однако критики указывают на опасность правовой неопределённости: если объём ответственности определяется ad hoc в зависимости от конкретных обстоятельств, это затрудняет прогнозирование правовых последствий для всех участников отношений.

В узбекской доктрине идеи, близкие к гибриднему подходу, обнаруживаются в работах Л.И. Ачиловой, которая указывает на необходимость разграничения функций платформы в каждой конкретной транзакции и недопустимость универсальной квалификации маркетплейса как посредника вне зависимости от обстоятельств [4]. Вместе с тем разработка целостной гибридной доктрины в рамках узбекского частного права остаётся актуальной научной задачей.

Сравнительный анализ доктринальных моделей

На основании проведённого анализа возможно систематизировать ключевые характеристики трёх рассмотренных моделей. Различия между ними носят не только нормативный, но и концептуальный характер: каждая модель отражает различное понимание природы цифровых платформ и их роли в системе гражданско-правовых отношений.

Критерий	Посредник	Оператор	Гибридная модель
Формальное участие в договоре	Отсутствует	Возможное	Контекстуально
Степень контроля над сделкой	Минимальная	Высокая	Переменная
Установление цен	Нет	Да / частично	В зависимости от функции
Управление логистикой	Нет	Да	Частично
Распределение риска	На продавце	На платформе	Пропорционально вовлечённости
Ответственность перед потребителем	Ограниченная	Расширенная	Дифференцированная
Нормативная база (ЕС)	DSA, ст. 6 Дир. 2000/31/ЕС	Директива 2024/2853	DSA, Рег. 2019/1150

Проблемы бинарной квалификации и перспективы развития доктрины

Практика показывает, что одна и та же платформа в рамках единой транзакции может одновременно выступать в роли посредника при заключении договора, оператора платёжной системы, организатора логистики и фактического хранителя товара. Такое многоуровневое

участие создаёт фрагментацию правового регулирования, при которой к деятельности платформы применяются различные правовые режимы в зависимости от конкретной функции.

Подобная фрагментация ведёт к неопределённости в распределении ответственности, трудностям при защите прав потребителей и коллизиям между нормами различных правовых актов. Ситуация, при которой платформа управляет алгоритмами, хранит товар и организует доставку, но формально не является стороной договора, создаёт «ответственный вакуум»: реальный контроль сосредоточен у одного субъекта, а юридическая ответственность возложена на другого - продавца, нередко малодоступного для потребителя.

К. М. Шарки обосновывает, что надлежащее распределение ответственности требует ориентации на субъекта, способного с наименьшими издержками предотвратить вред [21]. В условиях, когда платформа располагает полной информацией о продавцах, их репутации и качестве товаров, именно она является оптимальным субъектом превентивного контроля. Игнорирование этого обстоятельства создаёт системный дисбаланс.

Перспективным направлением доктринального развития представляется разработка функционального критерия квалификации, при котором правовой статус маркетплейса определяется применительно к конкретным правоотношениям - в зависимости от степени контроля над соответствующим аспектом сделки. Именно такой подход заложен в Директиве (EU) 2024/2853 и DSA, которые устанавливают дифференцированную ответственность в зависимости от конкретных функций платформы [13]. Адаптация этого опыта в узбекском праве представляется наиболее актуальным направлением дальнейших исследований.

Заключение

Проведённый сравнительно-правовой анализ показывает, что вопрос о правовой квалификации операторов онлайн-маркетплейсов остаётся дискуссионным. Посредническая модель обеспечивает правовую определённость и нормативную стабильность, однако основана на формально-договорном критерии, не учитывающем реального функционального контроля платформы. Операторская модель усиливает защиту потребителей и создаёт надлежащие стимулы для предотвращения вреда, однако при механическом применении может порождать избыточную ответственность. Гибридная модель наиболее точно соответствует реальной природе современных маркетплейсов, предлагая дифференцированный подход, однако её практическое применение сопряжено с риском правовой неопределённости.

Анализ судебной практики - от решений Суда ЕС по делам Uber и Airbnb до калифорнийского прецедента *Bolger v. Amazon* - демонстрирует, что суды последовательно движутся в сторону функциональной оценки роли платформы, отказываясь от автоматического применения посреднической модели. Аналогичная тенденция прослеживается в законодательных реформах: Директива (EU) 2024/2853, DSA и Регламент 2019/1150 в совокупности формируют многоуровневый правовой режим, при котором объём обязанностей платформы определяется её реальными функциями, а не формальным статусом.

На основании проведённого исследования представляется возможным сформулировать следующие выводы. Во-первых, ни одна из трёх рассмотренных моделей не является универсальной: каждая адекватна лишь применительно к определённому типу платформ и определённому виду правоотношений. Во-вторых, наиболее перспективным направлением является разработка функционального критерия квалификации, при котором правовой статус маркетплейса определяется в зависимости от степени его контроля над конкретным аспектом сделки. В-третьих, концепция «cheapest cost avoider» представляет собой продуктивный инструмент для определения оптимального субъекта ответственности в условиях платформенной экономики.

Для Республики Узбекистан разработка функционально-ориентированной модели квалификации маркетплейсов является первоочередной научной и законодательной задачей. Введённая Законом 2022 года категория «оператора электронной торговой платформы» создаёт нормативную основу, однако требует доктринального наполнения на базе сравнительно-правового опыта ЕС, США и КНР. Дальнейшие исследования должны быть

направлены на разработку критериев разграничения посреднической и операторской функций платформы в конкретных видах правоотношений, а также на адаптацию гибридной модели к условиям национального гражданского права.

Сноски/Iqtiboslar/References:

1. Болджер против Amazon.com, LLC, 53 Cal. App. 5th 431 (2020). Апелляционный суд Калифорнии, Третий апелляционный округ. (Bolger v. Amazon.com, LLC, 53 Cal. App. 5th 431 (2020). Court of Appeal of California, Third Appellate District.)
2. Козн Дж.Е. Закон для экономики платформ // UC Davis Law Review. – 2017. (Cohen J.E. Law for the Platform Economy // UC Davis Law Review. – 2017.) URL:https://lawreview.law.ucdavis.edu/sites/g/files/dgvnsk15026/files/media/documents/51-1_Cohen.pdf
3. Директива (ЕС) 2019/2161 Европейского парламента и Совета от 27 ноября 2019 г. (Omnibus Directive) // Официальный журнал Европейского союза. – 2019. – L 328. – 18.12.2019. (Directive (EU) 2019/2161 of the European Parliament and of the Council of 27 November 2019 (Omnibus Directive) // Official Journal of the European Union. – 2019. – L 328. – 18.12.2019.)
4. Директива (ЕС) 2024/2853 от 23 октября 2024 года о ответственности за дефектные продукты (Directive (EU) 2024/2853 of 23 October 2024 on liability for defective products) //EUR-Lex. URL:<https://eurlex.europa.eu/eli/dir/2024/2853/oj/eng>
5. Закон КНР о электронной коммерции (2018) // China Law Translate. – 2018. – 1 сентября. (Law of the People's Republic of China on Electronic Commerce (2018) // China Law Translate. - 2018. - September 1.) URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/p-r-c-e-commerce-law-2018/>
6. Закон Республики Узбекистан «Об электронной коммерции» от 29 апреля 2004 года № 613-II // Собрание законодательства Республики Узбекистан. – 2004. – № 20. – С. 132. (Law of the Republic of Uzbekistan "On Electronic Commerce" dated April 29, 2004 No. 613-II // Collection of Legislation of the Republic of Uzbekistan. – 2004. – No. 20. – P. 132.) URL: <https://lex.uz/uz/docs/165497> (дата обращения: 02.09.2025).
7. Закон Республики Узбекистан «Об электронной коммерции» от 29.09.2022 № ЗРУ-792 (Law of the Republic of Uzbekistan "On Electronic Commerce" dated 29.09.2022 No. ZRU-792) // Lex.uz. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/6213428>
8. Кирк Д., Каллен Э. Ответственность онлайн-маркетплейсов: решение Суда Европейского союза в деле Coty против Amazon // Intellectual Property & Technology Law Journal. – 2020. – Т. 32, № 6. (Kirk D., Cullen E. Liability of online marketplaces: the decision of the Court of Justice of the European Union in the case of Coty v. Amazon // Intellectual Property & Technology Law Journal. – 2020. – Vol. 32, No. 6) URL: <https://www.lw.com/admin/upload/SiteAttachments/IPTLJ%20article%20-%20Online%20Marketplace%20Liability.pdf>
9. Ларуш П., де Стрил А. Европейский закон о цифровых рынках: революция, основанная на традициях // Journal of European Competition Law & Practice. 2021. – Т.12, № 7. – С. 542–558. (Larouche P., de Striel A. European Digital Market Law: A Revolution Built on Tradition // Journal of European Competition Law & Practice. 2021. – Vol. 12, No. 7. – P. 542–558) URL: <https://doi.org/10.1093/jeclap/lpab066>
10. Лефуили Ю., Маджо Л. Экономика ответственности платформ // European Journal of Law and Economics. – 2022. – Т. 53, № 3. – С. 319–351. (Lefouili Y., Madio L. The Economics of Platform Liability // European Journal of Law and Economics. – 2022. – Vol. 53, No. 3. – P. 319–351) URL: <https://doi.org/10.1007/s10657-022-09728-7>
11. ОЕСД. Электронная коммерция в цифровую эпоху: проблемы политики и возможности. – Париж: ОЕСД Publishing, 2022. – 78 с. (OECD. E-Commerce in the Digital Age: Policy Challenges and Opportunities. – Paris: OECD Publishing, 2022. – 78 p.) DOI: 10.1787/ecdigital2022-en
12. Онянова А. Ответственность маркетплейсов: сравнительный анализ правовых подходов в США и Франции (Onyanova, A. "Marketplace Liability: A Comparative Analysis of Legal

Approaches in the United States and France” // *Digital Law Journal*. – 2025. – Vol. 5, No. 3. – P. 66–82) // *Digital Law Journal*. – 2025. – Т. 5, № 3. – С. 66–82. – URL: <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-3-2>

13. Регламент (ЕС) 2019/1150 Европейского парламента и Совета от 20 июня 2019 г. о содействии справедливости и прозрачности для бизнес-пользователей услуг онлайн-посредничества // *Официальный журнал Европейского союза*. – 2019. – L 186. – 11.07.2019. (Regulation (EU) 2019/1150 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 promoting fairness and transparency for business users of online intermediation services // *Official Journal of the European Union*. – 2019. – L 186. – 11.07.2019)

14. Регламент (ЕС) 2022/2065 Европейского парламента и Совета от 19 октября 2022 г. о едином рынке цифровых услуг (Закон о цифровых услугах) // *Официальный журнал Европейского союза*. – 2022. – L 277. – 27.10.2022 (Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on the single market in digital services (Digital Services Act) // *Official Journal of the European Union*. – 2022. – L 277. – 27.10.2022).

15. Рузиназаров Ш.Н., Ачилова Л.И., Рахмонкулова Н. Классификация типов (бизнес-моделей) электронной коммерции и субъектов-участников // *AIP Conference Proceedings*. – 2023 (Ruzinazarov Sh.N., Achilova L.I., Rakhmonkulova N. Classification of types (business models) of e-commerce and participating entities // *AIP Conference Proceedings*. – 2023). – URL: <https://doi.org/10.1063/5.0147704>

16. Шарки К.М. Ответственность за продукты в цифровую эпоху: онлайн-платформы как «самые дешевые избегающие затраты» // *Hastings Law Journal*. – 2022. – Т. 73, № 5. – С. 1327–1352. (Sharkey K.M. Product liability in the digital age: online platforms as "the cheapest cost avoiders" // *Hastings Law Journal*. – 2022. – Vol. 73, No. 5. – Pp. 1327-1352) URL: <https://ssrn.com/abstract=4086977>

17. Сёренсен М.Й. Вспомогательные платформы – договорно-правовая база (Sørensen M.J. Ancillary platforms - contractual and legal framework) // *Nordic Journal of Commercial Law*. – 2018. – № 1. – С.62–90. – URL: <https://journals.aau.dk/index.php/NJCL/article/download/2485/1967/8455>

18. Фэргрив Д., Буш К., Эрдем Бюйюкшагис Э. и др. Ответственность платформ и онлайн-маркетплейсы: сравнение и реформы // *International and Comparative Law Quarterly*. – 2024. – С. 1–28. (Fairgreave D., Bush K., Erdem Büyükşagis E. et al. Platform Liability and Online Marketplaces: Comparison and Reform // *International and Comparative Law Quarterly*. – 2024. – Pp. 1–28) URL: <https://doi.org/10.1017/S0020589324000046>

19. Фэргрив Д., Буш К., Эрдем Бюйюкшагис Э. и др. Ответственность платформ и онлайн-маркетплейсы: сравнение и реформы // *International and Comparative Law Quarterly*. – 2024. – С. 1–28. (Fairgreave D., Bush K., Erdem Büyükşagis E. et al. Platform Liability and Online Marketplaces: Comparison and Reform // *International and Comparative Law Quarterly*. – 2024. – Pp. 1–28) URL: <https://doi.org/10.1017/S0020589324000046>

20. Филатова-Билус Н. Еще раз о платформенной ответственности: на грани дел “Uber” и “Airbnb” // *Internet Policy Review*. – 2021. – Т. 10, № 2. (Filatova-Bilus N. Once Again on Platform Liability: On the Edge of the Uber and Airbnb Cases // *Internet Policy Review*. – 2021. – Vol. 10, No. 2) URL: <https://policyreview.info/articles/analysis/once-again-platform-liability-edge-uber-and-airbnb-cases>

21. UNCTAD. Глобальная электронная коммерция и цифровая торговля 2023. – Женева: Конференция ООН по торговле и развитию, 2023. – 102 с (UNCTAD. Global E-Commerce and Digital Trade 2023. – Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2023. – 102p).

22. Вербругген П., Ульфбек В. Онлайн-маркетплейсы и ответственность за продукт: возвращение к исходной точке // *European Review of Private Law*. – 2022. – Т. 30, № 6. – С. 975–998. (Verbruggen P., Ulfbeck W. Online Marketplaces and Product Liability: Returning to the Starting Point // *European Review of Private Law*. – 2022. – Т. 30, No. 6. – P. 975–998) URL: <https://doi.org/10.54648/ERPL2022048>

ҲУҚУҚИЙ ТАДҚИҚОТЛАР ЖУРНАЛИ

ЖУРНАЛ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

JOURNAL OF LAW RESEARCH

Taqdim etilayotgan maqolalarga qo'yilgan talablar:

1. Maqola o'zbek, ingliz va rus tillarida qabul qilinadi va Microsoft Word dasturida Times New Roman shriftida 12 kegl, 1 satr oralig'ida, sahifalar barcha tomondan 2 sm qoldirilgan bo'lishi shart. Satr boshi - 1,25 sm bo'lib, satrlarni eniga to'g'irlash, so'zlarni boshqa qatorga ko'chirish avtomatik tarzda bo'lishi lozim.
2. Birinchi qator o'ng tomondan muallifning familiyasi, ismi va otasining ismi, ikkinchi qatorda muallifning ish joyi, lavozimi, ilmiy darajasi va unvoni va e-mail, uchinchi qatorda sahifaning o'rtasida bosh va qalin harflar bilan maqolaning nomi yoziladi. Ushbu ma'lumotlar o'zbek, ingliz va rus tillarda berilishi lozim.
3. Keyingi qatordan o'zbek, ingliz va rus tillarida kamida 60 ta o'zbek, ingliz va rus tillarida so'zdan iborat annotatsiya beriladi.
4. Keyingi qatordan 6-10 ta o'zbek, ingliz va rus tillarida kalit so'zlar beriladi.
5. Keyingi qatordan asosiy matn umimiy so'zi minimal 2000 ta bo'ladi.
6. Adabiyotlarning to'liq ro'yxati asosiy matndan so'ng alifbo tartibida ko'rsatilishi lozim va havolalar asosiy matnda bo'lishi kerak [1, B.25].
7. Maqolada keltirilgan dalillarning to'g'riligi uchun muallif mas'ul, plagiat holati taqiqlanadi.
8. Web of science, Scopus tizimidagi jurnallardan iqtiboslar olish maqsadga muvofiqdir.

Требования к оформлению научной статьи:

1. Статья принимается на узбекском, английском и русском языках и должна быть оформлена в Microsoft Word шрифтом Times New Roman, размер 12, межстрочный интервал — 1, поля со всех сторон — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см; выравнивание по ширине и переносы слов должны быть включены автоматически.
2. В первой строке справа указываются фамилия, имя и отчество автора; во второй строке — место работы автора, должность, ученая степень и звание, а также e-mail; в третьей строке по центру страницы крупным и жирным шрифтом — название статьи. Эти сведения должны быть приведены на узбекском, английском и русском языках.
3. Ниже дается аннотация на узбекском, английском и русском языках, содержащая не менее 60 слов на каждом языке.
4. Далее приводятся 6–10 ключевых слов на узбекском, английском и русском языках.
5. Далее основной текст: общий объем текста должен быть не менее 2000 слов.
6. Полный список литературы должен быть приведен после основного текста в алфавитном порядке; ссылки должны присутствовать в основном тексте в формате [1, C.25].
7. Автор несет ответственность за достоверность приведенных в статье доказательств; плагиат запрещен.
8. Рекомендуется цитирование журналов из база данных Web of Science и Scopus.

Requirements of the articles submitted:

1. Articles are accepted in Uzbek, English and Russian and must be prepared in Microsoft Word using Times New Roman font, size 12, single line spacing, with 2 cm margins on all sides. First-line indent is 1.25 cm; text should be justified and word hyphenation/line breaks set to automatic.
2. In the first line on the right: the author's surname, given name and patronymic; in the second line: the author's affiliation, position, academic degree and title, and e-mail; in the third line centered on the page: the article title in bold and uppercase (or bold). These details must be provided in Uzbek, English and Russian.
3. Next, provide an abstract in Uzbek, English and Russian of at least 60 words in each language.
4. Next, provide 6–10 keywords in Uzbek, English and Russian.
5. Next, the main text: total word count must be at least 2000 words.
6. The full list of references must appear after the main text in alphabetical order, and citations should appear in the main text in the format [1, P.25].
7. The author is responsible for the accuracy of the evidence presented in the article; plagiarism is prohibited.
8. It is advisable to include citations from journals indexed in Web of Science and Scopus.